

Трагедия русского православия.

Автор:

Губский Николай Иванович,

педагог дополнительного образования

МБУ ДО «Дом детского творчества»

г. Абинск.

1. Церковная реформа 50-60-х годов XVII в.

По мере развития российского самодержавия все острее вставал на повестку дня вопрос о приоритете государственной власти над церковью.

В период феодальной раздробленности русская церковь сыграла существенную роль в объединении страны для борьбы с монголо-татарским нашествием. Однако, при всем своем стремлении играть самостоятельную роль, русская православная церковь находилась в зависимости от государственной власти. В этом смысле она сильно отличалась от римско-католической церкви, обладающей полной самостоятельностью в светских делах. Церковная реформа 50-60-х годов XVII в., приведшая к расколу, и была вызвана стремлением укрепить централизацию русской церкви аналогично другим звеньям государственного аппарата.

В не меньшей мере эта реформа была связана с внешнеполитической обстановкой. В 1645 году по инициативе патриарха Никона в Москве собрался церковный Собор, на котором было решено сравнить церковные книги с греческими оригиналами и установить Единый и обязательный для всех порядок совершения обрядов. В частности, верующим предлагали креститься не двумя, а тремя пальцами. Изменение так же коснулось текстов молитв и церковных песнопений, и даже одежды священника.

Однако многие священники и даже церковные иерархи выступили против постановления Собора. Они стремились сохранить старые, привычные для верующих обряды и церковные книги и объявить о своем отходе от православной церкви, возглавляемой Никоном. Протопопы Аввакум и Даниил обратились с возражениями к царю. Не достигнув цели, они стали сеять враждебность к реформам Никона среди широких кругов населения. Никон ответил репрессиями.

Возникшая в церковных кругах оппозиция реформам стала своеобразной формой социального протеста. Поскольку её руководители выступали как ревнители «древнего благочестия», их стали называть старообрядцами.

Осуществляя реформу, Никон ставил теократические цели – создать сильную церковную власть, независимую от государства. Однако вмешательство патриарха в дела государственного управления вызвало разрыв с царем в 1658 году.

Последствия этого раскола не удалось преодолеть и до сих пор. Реформа Никона привела к расколу русской церкви на господствующую и старообрядческую.

Только в XVIII веке правительство, наконец, признало существование старообрядчества. В городах появились старообрядческие церкви, кладбища и даже монастыри.

2. В.О. Ключевский о церковном расколе.

Из Смутных времен Русь вышла победоносная, в светлом единодушии. Она вышла из великого настроения порывом единодушного вдохновения. Русь в испытаниях Смуты впервые за все века вполне обрела, поняла себя. Она была охвачена единодушным желанием устройства, освящения и освежения всей своей жизни. Она уже нашла свою твердую основу в двенадцати Земских Соборах царя Михаила.

Такой она приблизилась и к временам царя Алексея. «Тишайший царь как бы только длил тихую весну, какая стала на Руси со светлых дней царя Михаила, и своими Уложениями, в общем движении к устройству Дома Московского, желая все уладить и в Московской церкви»

«Русским церковным расколом называется отделение значительной части русского православного общества от господствующей русской православной церкви». Это разделение началось в царствование Алексея Михайловича вследствие церковных новшеств патриарха Никона и продолжается доселе. Раскольники считают себя такими же православными христианами, какими считаем себя и мы. «Старообрядцы в собственном смысле не расходятся с нами ни в одном догмате веры, ни в одном основании вероучения; но они отклонились от нашей церкви, перестали признавать авторитет нашего церковного правительства во имя «старой веры», будто бы покинутой этим правительством: потому мы и считаем их не еретиками, а только раскольниками, и потому же они нас называют церковниками или никонианами, а себя старообрядцами или староверами, держащимися древнего дониконовского обряда и благочестия».

Если старообрядцы не расходятся с нами в догматах, в основаниях вероучения, то отчего значительная часть русского церковного общества оказалось за оградой русской господствующей церкви? Отчего же произошел раскол?

«По объяснению старообрядцев, от того, что Никон, исправляя богослужебные книги, самовольно отменил двуперстие и другие церковные обряды, составляющие святоотеческое древнеправославное предание, без которого невозможно спастись, и, когда верные древнему благочестию люди встали за это предание, русская иерархия отлучила их от своей испорченной церкви.

Но в таком объяснении не все ясно. А каким образом двуперстие или хождение по-солонь сделалось для старообрядцев святоотеческим преданием, без которого невозможно

спасти? Каким образом простой церковный обычай, богослужебный обряд или текст мог приобрести такую важность, стать неприкосновенной святыней или догмой? Православные дают более глубокое объяснение. Раскол произошел от невежества раскольников, от узкого понимания ими христианской религии, оттого, что они не умели отличить в ней существенное от внешнего, содержание от обряда. Но и этот ответ не разрешает всего вопроса. Положим, известные обряды, освященные преданием, местной стариной, могли получить неподобающее ими значение догматов; но ведь и авторитет церковной иерархии освящен стариной, притом не местной, а вселенской, и его признание необходимо для спасения: святые отцы не спасались и без него, как без двуперстия» До сих пор остается неясным, каким образом старообрядцы решились пожертвовать одним церковным установлением для другого, отважились спасаться без руководства законной иерархии, ими отвергнутой?

«Объясняя происхождение раскола, у нас часто с особенным ударением и некоторым пренебрежением указывают на слепую привязанность старообрядцев к обрядам и текстам, к букве писания, как к чему-то очень не важному в деле религии. Я не разделяю такого пренебрежительного взгляда на религиозный обряд и текст. Я не богослов и не призван раскрывать богословский смысл таких предметов. Но религиозный текст и обряд, как и всякий обряд и текст с практическим, житейским действием, кроме специально богословского имеет еще общее психологическое значение и с той стороны, как и всякое житейское, т. е. историческое, явление, может подлежать историческому изучению. Только с этой народно-психологической стороны я и касаюсь происхождения раскола.

В религиозных текстах и обрядах выражается сущность, содержание вероучения. Вероучение складывается из верований двух порядков: одни суть *истины*, которые устанавливают мирозерцание верующего, разрешая ему высшие вопросы мироздания; другие суть *требования*, которые направляют нравственные поступки верующего, указывая ему задачи его бытия.»

В протяжении тысячелетий и до наших дней люди прилагали усилия мысли и памяти, чтобы понять и запомнить истину. Но чтобы сделать истину руководительницей воли, направительницей жизни целых обществ, «нужно облегчить истину в формы, в обряды, в целое устройство, которое непрерывным потоком надлежащих впечатлений приводило бы наши мысли в известный порядок, наше чувство в известное настроение, долбило бы и размягчало нашу грубую волю и таким образом, посредством непрерывного упражнения и навыка, превращало бы требования истины в привычную нравственную потребность, в произвольное влечение воли».

«Не было ничего необычного в привязанности русских к церковным обрядам, в которых они воспитывались: в ней надобно видеть скорее народно- психологическую

неизбежность, естественноисторическое условие религиозного понимания, чем органический или хронический недуг русского религиозного чувства, это – просто признак исторического возраста народа.

Органический поток древнерусского церковного общества состоял в том, что оно считало себя единственным истинно правоверным в мире свое понимание божества исключительно правильным, творца вселенной представляло своим собственным русским богом, никому более не принадлежащим и неведомым, свою местную церковную обрядность признало неприкосновенной святыней, а свое религиозное понимание нормой и коррективом боговедения. Встреча этих воззрений с тем, что делалось в государстве, усилила их возбуждений характер».

«Раскол, происшедший в русской церкви XVII в. был церковным отражением этого нравственного раздвоения русского общества под действием западной культуры. Тогда стали у нас друг против друга два мирозозерцания, два враждебных порядка понятий и чувств. Русское общество разделилось на два лагеря, на почитателей родной старины и приверженцев новизны, т. е. иноземного, западного. Руководящие классы общества, оставшиеся в ограде православной церкви, стали проникаться равнодушием к родной старине, во имя которой ратовал раскол, и тем легче отдавались иноземному влиянию. Старообрядцы, выкинутые за церковную ограду, стали тем упорнее ненавидеть привозные новшества, приписывая им порчу древнеправославной русской церкви. Это равнодушие одних и эта ненависть других вошли в духовный состав русского общества как новые пружины, осложнившие общественное движение, тянущее людей в разные стороны».

2. Боярыня Морозова – главная душа всего русского героического христианства.

Боярыня Феодосия Прокопьевна Морозова была супругою Глеба Ивановича Морозова, одного из первых бояр при царе Алексее Михайловиче. Феодосья Прокопьевна вышла замуж 17 лет. Глеб Морозов был уже человеком пожилым, имел по крайней мере лет 50. Неравенство лет не могло, конечно, остаться без влияния на жизнь молодой боярыни. «Мы не знаем обстоятельств ее замужней жизни, но, имея в виду общий склад тогдашнего домашнего быта бояр, может предложить, что дом такого степенного, богобоязненного и тихого боярина, каким был действительно Глеб Иванович, скорее, чем другие, должен был служить наиболее полным выражением идеалов Домостроя».

«Феодосья Морозова была она не робко десятка, не пряталась за спину престарелого мужа. Проявляла самостоятельность и независимость. Сам Борис Иванович Морозов – крупнейший государственный деятель частенько приглашал ее в гости.

«Духовная дочь Аввакума, Федосья Прокопьевна, видимо, была душа крепкая и верующая и рано обнаружила свою привязанность к добродетельной постнической жизни по тому идеалу, какой тогда господствовал в умах, искавших спасения». Бог дал супругам сына Ивана по их молитве и явлению чудотворца Сергия, как говорит сказание о жизни Морозовой, что достаточно свидетельствует о благочестивой ее набожности. С этих пор ее постническая набожная настройка мыслей получает широкий простор для своих действий, для стремления к заветным идеалам.

«Но в 1662 году Глеб Иванович умирает, и она остается вдовою. После смерти мужа ей досталось одно из самых больших состояний того времени. Морозова предалась делам благочестия, встав на сторону тех, кто поддерживал старую веру. Тридцатилетняя вдова стала носить власяницу и сделала свой дом прибежищем для старцев». Как вдова Феодосья Прокопьевна занимала особое положение в обществе. «Выполняя функции покойного мужа, главы семьи и рода, она имела, по сравнению с замужними женщинами, большую самостоятельность: сидела на мужнином месте за «вдовым столом», наряду с мужчинами, владела и самостоятельно распоряжалась вотчинным имуществом до совершеннолетия сына, имела собственных вассалов – мелких дворян и дворню».

Дом ее был отворен юродивым и нищим и сиротам, которые «невозбранно в ее ложницах обитали и с нее ели с одного блюда». Собирая около себя такое убогое общество, поучаясь его подвигами и словесами, Морозова и свой досуг употребляла на рукодельные труды также в пользу нищих и убогих. «Иногда руги ее «пряслица касались», садилась она за прялку, готовила нити и теми нитями шила рубахи, и ввечеру, с одной из стариц, домочадицею Анною Амосовною, одевшись сама в рубахи, ходила по улицам и по стенам града, по темницам и по богадельням, и оделяла рубахи нищим; раздавала ми деньги, овому рубль, а иному 10, а инде 50 рублей и мешок сотной».

«Без всякого сомнения, еще больше укрепилось ее мужество и совсем помрачился разум, когда (в 1662 году) в Москве снова явился из ссылки Аввакум»

Аввакум измерял истинность всякой проповеди не «чудесами» проповедника, а соответствием его учения собственному образу жизни. «Целости образа ума и жития во учителя смотри, - наставлял он близких, - последует ли словесам его житие».

Феодосья часто бывая в доме Ртищева, не могла не понять, что в этих жарких спорах столкнулись две взаимно исключаящие нормы человеческого поведения. Когда Ртищев Михаил спросил у архимандрита о его вере, тот ответил: «Аз-де, государь, не знаю ни старья веры, ни новья, но что велят начальники, то и готов творить и слушать их во всем». Другая – точка зрения Аввакума: «Аще умру, обличитель всем буду всегда!».

«Девиз Аввакума как нельзя более отвечал потребности души Морозовой. «Вдова-де я молодая после мужа своего, государя, оставалась, - признавалась она Аввакуму, - пускай-де тело свое умучаю постом и жаждою и прочим оскорблением».

Естественно, что она все больше и больше укреплялась в истине своих размышлений и мнений и, горячо их защищая по беседам, без сомнения научениями и словами самого Аввакума или матери Мелании, обратила наконец на свои подвиги внимание царя.

«После ссылки протопопа Аввакума на Мезень в 1664 г. Морозова открыто стала выступать в защиту старой веры. В конце 1670 года она приняла тайное иночество и в связи с этим демонстративно отказалась присутствовать на свадьбе царя Алексея Михайловича и Н.К. Нарыжкиной, состоявшейся 22 января 1671 г. Это было расценено как оскорбление царской фамилии, и Морозова оказалась в опале» .

«Вскоре боярыню Морозову лишили ряда вотчин. Затем, по ходатайству царицы Марии, их вернули. Подражая, Аввакуму, боярыня попыталась организовать в своем доме конспиративную литературно-публицистическую деятельность».

Уговорить Морозову образумиться приезжал старший Ртищев и свояченица Анна Милославская, а также представители других знатных фамилий. «Все они по-разному отнеслись к выбору Морозовой. Одни – с сочувствием. Другие воспринимали ее поступок как чудачество тоскующей по мужу вдовы. Третьи – с явным осуждением. Ртищев и Анна пытались ее переубедить, чтобы не «гневила Господа и царя», вернулась на «путь истинны».

«Феодосья Прокопьевна начала мыслию «на большее простираться», то есть более и более приближаться к цели своего идеала, желая ангельского образа...» Когда аввакумовцы увидели, как твердо и неизменно стоит в своем желании их верная послушница, то решились исполнить ее просьбу. Она была пострижена старовером, бывшим Тихвинским игуменом Досифеем, наречена Феодорою и отдана в послушание той же матери Мелании.

Весьма понятно, что после того дворец ей опостылел, ибо не осталось уже там корней для поддержки старого «благочестия», а напротив, с каждым днем входили туда новое «благочестие». Гроза церковного гнева приближалась. Во втором часу ночи отворились большие ворота на дворе Морозовой. Ужаснулась Феодосья Прокопьевна, понявши, что едут ее мучители. От страха ослабели ее ноги, и она приклонилась на лавку. Княгиня подкрепила ее: «Матушка, сестрица, дерзай! С нами Христос! Не бойся, встань, положим начало». Совершили они сень поклонов приходных, одна у другой благословились «истину».

«Како крестишися и как молитву творишь?» - спросил ее архимандрит. Морозова, сложив по-своему персты, перекрестилась и произнесла молитву: «Так я крещусь, так же и

молюсь». Думный дьяк ступил в чулане не было света; разглядев там человека, лежащего на постели, он спросил: «Кто ты?» «Я князь Петра жена, Урусова», - отвечала сестра Морозовой.

Наложили на двух сестер железа конские и посадили их в людские хоромы, в подклет, приказав людям беречь их под стражею. Видя непреклонное ее мужество и бесполезность коротких увещаний, власти решили ее пострадать.

Когда ее везли Кремлем, мимо Чудово монастыря, под царские переходы, она, полагая, что на переходах смотрит царь на ее поезд, часто крестилась двуперстным знаменем, высоко поднимая руку и звеня цепью, показывая царю, что не только не стыдиться своего поругания, но и услаждается любовью Христовою и радуется своим узам. Доблестные подвиги ее заключались в том, что она всеми силами сопротивлялась, когда нужно было идти в церковь.

Приказано было волочить ее на рогожных носилках. Она и тут притворилась расслабленною, не могущей ни рукою, ни ногою двинуть, и сама на носилки не ложилась. Видимо, патриарх, а вместе и царь желали кончить это дело, смущавшее Москву. Опять в два часа ночи взяли Морозову и, посадивши в дворни, повезли в Чудов монастырь под охраной стрелецкого сотника. «В соборной палате был патриарх, митрополит Павел и иными власти и «от градских начальников не мало». «Дивлюсь я, как ты возлюбила эту цепь и не хочешь с нею разлучиться, » - сказал ей патриарх. Обрадованным лицем и веселящимся сердцем ответила она: «Воистину возлюбила, и не только просто люблю, но еще и не довольно насладились вожаделенного зренья сих оков. Как могу не любить их! Такая я грешница и для Божия благодати сподобилась видеть на себе, а вместе и носить Павловы узы, да еще за любовь Единородного Сына Божия».

Патриарх стал увещивать ее, говоря, чтобы оставила свое безумие и нелепое начинание, пожалела бы себя, не возмущала бы своим противлением царскую душу, и присоединилась бы к церкви, исповедавшись и причастясь святых Таин. «Некому исповедоваться и не от кого причаститься» - отвечала Морозова.

«Попов много на Москве», - сказал патриарх. «Много попов, но истинного нет», - возразила Морозова. «Я сам, на старости, потружусь о тебе, сам тебя исповедую и причащу», продолжал патриарх. Морозова отсеклась то этой высокой чести, сказавши: «Ты мне говоришь – сам, но я не понимаю, что ты говоришь. Чем ты от них отличен, если творишь то же, что и они?...»

На другой день, во 2-й час ночи, они все три, вероятно, порознь были перевезены на Ямской двор. Они догадывались, что привезли их на пытку. Морозова подала им знак, побряцавши оковами и сказавши мысленно: «Любезные мои сострадаельницы! Вот и я тут с вами. Терпите, светы мои, мужески и обо мне молчитесь». Их начали пытать.

Первой была приведена к огню Мария Данилова: обнажили ее до пояса, руки назад завязали и подняли на стремянку и, снимая с дыбы, бросили на землю. Потом повели княгиню. Напоследок привели к Морозову.

Начал говорить ей князь Воротынский многая словеса: «Что это ты делаешь, от славы в бесславие пришла? Подумай, кто ты и какого рода! Все это приключилось тебе от того, что принимала в доме Киприана и Феодора юродивых и прочих таковых; их учения держалась, потому и царя прогневала».

Отвечала Морозова: «Не велико наше благородие телесное и слава человеческая суетна на земле; и все, о чем ты говорил, - все это тленно и мимоходяще. Послушай, что я скажу тебе: помысли о Христе, кто Он, и чей Сын, Божий, оставивший небеса для нашего спасения и живший во плоти на земле всегда в убожестве; после распятия был от жидов; так и мы все от вас мучимы. Тому ты не удивляешься! То наше мучение есть уже ничто».

Через три дня после пытки царь прислал будто бы к Морозовой стрелецкого голову с такими словами: «Мати праведная Федосья Прокопьевна, вторая ты Екатерина мученица! Прошу тебя я сам, послушай совета моего: хочу я тебе в прежнюю твою честь возвести; дай мне такое приличие, ради людей; чтоб видели, что не даром темя взял, - не крестися тремя персты, но только руку показав, поднеси на три те перста. Мати праведная Федосья Прокопьевна, вторая ты Екатерина мученица! Послушай, я пришлю за тобою каптану свою царскую и с аргамаками своими, и придут многие бояре и понесут тебя на головах своих. Послушай, мати праведная! Я сам царь кланяются главою моею, сделай это».

Ее привезли в Новодевичий монастырь, подальше от города, чтобы отлучить ее от своих, и велели держать под крепким началом и влачить к церковным службам. Среди таких лишений через два с половиною месяца скончалась. От великого голода она совсем ослабела, не могла ни цепи носить, ни стул цепного двинуть; стоя ни в силах была молиться и молилась лежа или сидя.

Перед смертью она попросила сестру отпустить ее по закону христианскому. С первого на второе число ноября Морозова тихо скончалась в своей темнице. Покойницу по ее завещанию схоронили подле сестры, обвив тело в рогожу. Через месяц скончалась и Мария Данилова. До сих еще пор памятно народу их дело.

В настоящее время в Боровске находится могила, на которой имеется надпись: «Лета 7...погребли на сей месте сентября в 11 день боярыня князя Петра Семеновича Урусова жена его княгиня Евдокия Прокопьевна, да ноября во 2 день боярыня... жена... Морозова Федосья Прокопьевна, а в иноках инока-схимница Феодора, а дщери окольного Прокофья Федоровича Соковнина. А сию цку положили на сестрах своих родных боярин Федор Прокофьевич да окольной Алексей Прокофьевич Соковнины.»

Заключение.

В период феодальной раздробленности русская церковь сыграла существенную роль в объединении страны для борьбы с монголо-татарским нашествием. Однако, при всем своем стремлении играть самостоятельную роль, русская православная церковь находилась в зависимости от государственной власти.

Церковная реформа 50-60-х годов XVII в., приведшая к расколу, была вызвана стремлением укрепить централизацию русской церкви аналогично другим звеньям государственного аппарата.

Возникшая в церковных кругах оппозиция реформам стала своеобразной формой социального протеста. Поскольку её руководители выступали как ревнители «древнего благочестия», их стали называть старообрядцами.

Боярыня Морозова – главная одна из деятельниц старообрядничества. Обладая сугубо русским характером, она решилась на путь борьбы и самосовершенствования и прошла по нему до конца.

Морозова почитается старообрядцами как святая преподобномученица, пострадавшая за правое верие. В старообрядческой церкви память о ней и пострадавших с ней Евдокии Урусовой, Марии Даниловой и инокини Иустины почитается 11 сентября.

Корни старообрядчества и причины русского церковного раскола семнадцатого века еще не полностью вскрыты в исторической литературе и остаются далеко не ясными.